

УДК 81'373'42:811.161.1'04
ББК Ш141.12

Э. Н. Акимова

**БИБЛЕИЗМЫ
СО ЗНАЧЕНИЕМ
ОБУСЛОВЛЕННОСТИ
В СРЕДНЕВЕКОВОМ
РУССКОМ МЕГАТЕКСТЕ**

В статье на материале средневекового русского мегатекста анализируются те функции библейских цитат, «библейских ключей» и библейских реминисценций, реализация которых связана с выражением причинно-следственной семантики и отношений основания – вывода, входящих в круг значений обусловленности, а именно: оценочно-характеризующая, проспективно-прогнозирующая и объяснительно-констатирующая функции.

Ключевые слова: *русское средневековье, мегатекст, Библия, библеизм, цитата, реминисценция, категория обусловленности, сакральный текст.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2015-4-74-83

Акимова Эльвира Николаевна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва
Тел.: 8-927-180-99-37
E-mail: akimovaen@mail.ru

Под мегатекстом мы понимаем «обобщенное обозначение системы нормативных текстов эпохи (образцов)» [Ковалев, с. 18] и, шире, – совокупность средневековых письменных текстов, о которой писал Д. С. Лихачев: «По существу все произведения древней русской литературы благодаря единству своей направленности и приверженности к исторической основе («историзму») представляли собой в совокупности единое огромное произведение – о человечестве и о смысле его существования» [Лихачев, с. 630].

Понятийно-языковая функционально-семантическая категория обусловленности – это сложно структурированное единство, план содержания которого образует общее инвариантное значение обусловленности, вариативно проявляющееся в более частных семантических категориях причины, следствия, условия, уступки и цели, а план выражения представлен средствами, относящимися к различным языковым уровням: лексическому, фразеологическому, словообразовательному, синтаксическому дотекстовому, текстовому, мегатекстовому.

На мегатекстовом уровне ярким и своеобразным способом выражения категории обусловленности в ее бинарном, средневековом понимании были библеизмы, под которыми мы подразумеваем библейские цитаты, их разновидность – «библейские ключи» и библейские реминисценции.

Библейские цитаты – это словесные выдержки из библейского текста, которые могут быть

несколько искажены или трансформированы, но без нарушения стиля и синтаксиса библейской строфы.

Реализация основной функции библейских цитат – толкование, объяснение каких-либо положений, подтверждение важнейших мыслей автора – тесно связана с выражением причинно-следственной семантики и отношений основания – вывода, входящих в круг значений категории обусловленности [Акимова, с. 63].

Во многих работах библейские цитаты и библейские реминисценции не различаются, тем более что все они выполняют примерно одинаковые функции [Трофимова, с. 68 – 82]. Между тем отличия, конечно, есть.

Цитаты (от лат. cito – вызываю, привожу) – дословная выдержка из какого-либо произведения, стилистический прием употребления готового словесного образования [ЛЭС, с. 492] или дословно приводимые чьи-то слова [СИС, с. 558], а реминисценция (от позднелат. *reminiscentia* – воспоминание) – в художественном тексте черты, наводящие на воспоминание о другом произведении, нередко невольное воспроизведение автором чужих образов или ритмико-синтаксических ходов. В отличие от заимствования и подражания реминисценции бывают смутными и неуловимыми, часто трудно установить грань между осознанной установкой автора на заимствование чужого образа и его бессознательной реминисценцией. Как сознательный прием реминисценция рассчитана на память и ассоциативное восприятие читателя [ЛЭС, с. 322]. «Словарь иностранных слов» дает более лаконичное, но двузначное определение: «1) смутное воспоминание; явление, наводящее на сопоставление с чем-либо; 2) отзвук иного произведения в поэзии, музыке и пр.» [СИС, с. 428].

В пространство древнерусского текста, не знавшего современных пунктуационных знаков, библейские цитаты вводились с помощью объясняющих их происхождение «слов автора», обязательно содержащих глаголы говорения или близкой семантики (*рече пророкъ; по рекшему; апостоль глаголетъ; еуангелье чтомо; пророчество, глаголющее* и под.): *Убиену же Глѣбови и повържену на путь мѣсть межю двѣма колодама. И господь не оставляяи своихъ рабъ, яко же рече Давидъ: «Хранить господь въся кости ихъ, и ни едина отъ нихъ сокрушиться»* (Сказание о Борисе и Глебе, т. 1, с. 294) и др. многочисленные примеры¹.

Цитировалось в основном Священное Писание, изредка привлекались и другие авторы – Гомер, Демокрит и даже абстрактный «некто»: *О сем бо убо нѣкий рече, яко «во всѣхъ земнородныхъ умъ человекъ погрѣшителень есть и от добраго нрава злыми совратень»* (Хронограф 1617 г., т. 9, с. 350).

Библейские цитаты встречаются не во всех исследованных текстах. Их нет (или совсем мало) в переводных памятниках («Повесть о Варлааме и Иоасафе», «Сказание о Евстафии Плакиде», «Девгениево деяние», «Сказание об Индийском царстве», «Александрия», «Тайная тайных», «О причинах гибели царств», басни Эзопа, «Фацеции», «Римские

деяния» и др.) и в оригинальных, близких к деловым и бытовым (хождение игумена Даниила, Стефана Новгородца и Афанасия Никитина, погодные статьи летописей, берестяные грамоты, «Домострой» (отмечены лишь в двух главах – четвертой «Како любити бога от всея душа...» и седьмой «Како царя и князя чтити и повиноватися во всемъ...»), «Чин свадебный», «Урядник сокольничьего пути», сочинении Григория Котошихина), а также в «Слове о полку Игореве», «Задонщине», «Слове о гибели Русской земли», «Похвале роду рязанских князей», в некоторых исторических, нарративного дискурса повестях, в демократических сатирических произведениях XVII в.

Даже у одного и того же автора в разных произведениях библейские цитаты могут использоваться и не использоваться. Например, Иван Грозный в письмах иностранным государям (английской королеве Елизавете I, шведскому королю Юхану III, польскому королю Стефану Баторию) библейские цитаты совершенно не употребляет, а послания Андрею Курбскому и, особенно, в Кирилло-Белозерский монастырь ими изобилуют.

По нашим наблюдениям, библейские цитаты, напротив, весьма распространены в переводных и оригинальных памятниках «верхнего яруса» (термин Н. И. Толстого), как-то: 1) канонические (Евангелие, Псалтирь и др.); 2) литургические тексты; 3) аскетическая литература; 4) проповедническая литература («слова» и т.п.); 5) агиография, – т.е. в текстах более консервативных и более четко нормированных, дающих меньшее число отклонений от устанавливаемой для каждой эпохи модели.

Функции библейских цитат, соотносящиеся с кругом значений обусловленности, таковы:

1) оценочно-характеризующая: *Пребываше въ семь повинуюся родителема своима: тцаше бо ся повельниа ею съвршшити и ни въ сем же преслушатися ею, яко же и святое глаголетъ Писание: «Чти отца своего и матеръ, да будеши дльголътенъ на земли» (Житие Сергия Радонежского, т. 4, с. 284).*

Такие библейские цитаты в основном мелиоративно (изредка – пейоративно) оценивают персонажей, содержат обуславливающую их поведение характеристику, занимают строгую постпозицию в тексте или структурно-семантическом блоке, а во вводящих цитаты словах («словах автора») обязательно наличие *бо, яко*, т. е. союзов, позиционирующихся как причинные.

2) проспективно-прогнозирующая функция: **Рече господь:** *«В чемъ ты застану, в томъ и сужу» – ино достоитъ всякому християнину готову быти в добрыхъ дьлех, в чистоте и в покаянии, и во всякомъ исповьдании, всегда чающи часа смертнаго (Домострой, т. 7, с. 74).*

Эти цитаты «предсказывают» ход событий. Их основные структурно-семантические особенности – препозиция цитаты, наличие в следующем после цитаты предложении причинно-следственных союзов или

кратких нестрадательных причастий (деепричастий) от делиберативных глаголов.

3) объяснительно-констатирующая функция связана с авторитетным подтверждением важнейших мыслей, их объяснением: *И сими казнми казнить нас богъ, нахоженъем поганых; се бо есть батогъ его, да негли встягнувшесе от пути своего злаго. **Сего ради** в праздникы нам наводитъ богъ сътованье, яко же **пророкъ глаголаше**: «Преложю праздникы ваши в плачь и пѣсни ваша в рыданье» (Повесть временных лет, т. 1, с. 138).*

Цитаты с объяснительно-констатирующим значением могут занимать препозицию и (чаще) постпозицию в предложении или структурно-смысловом блоке, наличие условных и причинных союзов обязательно.

Обращает на себя внимание такая особенность цитирования библейских текстов, как нанизывание цитат, или цитатная амплификация. Очевидно, основная функция цитирования – авторитетное подтверждение важнейших мыслей – средневековыми книжниками реализовывалась привычным для них методом компиляции.

Цитатная амплификация присуща текстам всего исследуемого периода, но наиболее полно позиционируется в произведениях стиля «плетения словес». Под пером Епифания Премудрого она приобретает законченную эстетическую форму и триадическое (в основном) строение, обнаруживающее связь с сакральной числовой символикой, принятой в средневековой христианской культуре и ассоциирующейся с феноменом христианского нумерологического мистицизма. Триадичность соотносена как с числом Божественной Троицы, так и с понятием о совершенном числе, идеально передающем ступени динамического процесса (начало – развитие – конец).

Поскольку средневековые книжники библейские тексты хорошо знали и, по всей видимости, набор цитат на сходные случаи был стандартен, иногда вместе с собственно цитатами приводились лишь, если можно так выразиться, «библиографические сведения», т.е. указания на те произведения, в которых можно было отыскать интересующие места, номера псалмов или даже выражение «и прочая», подразумевавшее абстрактную отсылку к текстам: *И начахъ глаголати: «Да воскреснетъ богъ и разыдутся врази его», и **прочая псалма того** (Житие Елеазара Анзерского, т. 11, с. 299).*

Проблемными вопросами, связанными с особенностями цитирования Библии, являются следующие: 1) какие именно библейские тексты цитировались и 2) насколько точно они воспроизводились.

Как известно, Библия на Руси не была известна целиком до самого конца XV в., а была доступна только частями [Мечковская, с. 238]. Поэтому в исследованных памятниках в основном цитируются Псалтирь (книга, широко использовавшаяся как в богослужебной практике, так и в быту, в школьном образовании), Тетраевангелие, Апостол и Апокалипсис, т.е. самые распространенные до XVI в. тексты Священного

Писания. По данным Ф. Вигзелл, из 340 библейских цитат в «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого 158 – из Псалтири, причем более трети из них процитированы Епифанием неточно, по памяти. Всего ошибок в цитации обнаружено 156, и среди них есть преднамеренное изменение Библии с грамматическими целями, в соответствии со смыслом контекста, для ритмического эффекта. Епифаний мог даже свободно переработать весь отрывок для своих целей [Вигзелл, с. 233 – 241].

Исследуя использование «Ветхого Завета» в сочинениях Кирилла Туровского, к сходным выводам приходит и Е.Б. Рогачевская: «Есть основания полагать, что русский оратор, хорошо зная тексты, распоряжался ими достаточно свободно, поскольку цитаты из них служат основной художественной конструкции произведений Кирилла... Кирилл Туровский позволяет себе не изменять тексты “Писания”, а сокращать и совмещать их по своему усмотрению в соответствии со своей художественной задачей» [Рогачевская, с. 99 – 101].

Судя по нашим данным, такие явления распространены и в других текстах, например, в «Казанской истории», в многочисленных словах, поучениях и посланиях, как публицистических, так и частных.

Подобное обстоятельство несколько удивительно, так как считается, что дух средневековья был не критическим, он принимал только то, что было освящено традицией и расценивал всякое отклонение как кощунство. Можно вспомнить учение Константина Костенческого (по его мнению, ереси происходят от недостатков или излишеств в письме), а также историю суда над Максимом Греком и последствия никоновской реформы церковных книг. Было большим грехом изменить текст Библии. Ф. Вигзелл приходит к выводу, что Епифанию «для вящей славы святого можно было даже адаптировать цитаты из Священного Писания в соответствии со стилистическим замыслом, вопреки средневековому страху перед малейшим изменением Библии. Все другие изменения рассматривались как богохульство» [Вигзелл, с. 242]. Думается, что ненамеренное или воспринимаемое ненамеренным искажение библейских цитат, столь широко распространенное, приводило к серьезным для книжника последствиям лишь тогда, когда имело под собой существенную идеологическую подоплеку, а в остальных случаях просто не замечалось.

Особой разновидностью библейских цитат были так называемые «библейские ключи», которые отличались от собственно цитат своими функциями, локализацией в тексте произведения, временем преимущественного употребления.

Первый и высший для всего средневекового мышления образец – Священное Писание. Библия была постоянным эталоном, энциклопедией исторических примеров, позволяла устанавливать формальную аналогию между событиями реальными и священной историей (*imitatio Christi*). Поэтому основное свойство древнерусского текста, обладающего достоинством (*dignitas*) и нормой (термины Р. Пиккио), – двуслойность, двуплановость. Изложение развивается в плане прямого по-

вестования и экзегезиса. Переключает повествование в другой план, открывает дверь в высший смысл текста «библейский ключ» (цитата из Писания). Эта сакральная экзегетическая функция – основная для библейского «тематического ключа», который, по Р. Пиккио, располагается в композиционно отмеченном месте, обычно в начале экспозиции, и проходит как лейтмотив через все произведение [Седакова, с. 120].

В «Сказании о Борисе и Глебе» – самом интересном и совершенном в литературном отношении памятнике Борисо-Глебского цикла – «библейским ключом» является цитата «*Родъ правыхъ благословиться, – рече пророкъ, – и съмя ихъ въ благословении будетъ*», помещенная в самом начале текста и вместе с традиционной начинательной формулой «*Господи, благослови, отче*» представляющая собой образец «магического» троекратного повторения ключевого слова (*Сказание о Борисе и Глебе, т. 1, с. 278*). Можно отметить, что «Житие святых мучеников Бориса и Глеба» Нестора начинается другим библейским ключом и оказывается аллегорией на тему: лучше умереть ради Бога, чем бороться за владение на земле. Мысль Р. Пиккио о том, что выбор «библейских ключей» подчиняется общим законам средневековой литературы, диктуется не столько личным выбором автора, сколько традиционным корпусом цитат и можно говорить о «жанровой» приуроченности «библейских ключей» [Седакова, с. 120], подтверждается нашим материалом.

Например, все ранние жития (Феодосия Печерского, Авраамия Смоленского, Александра Невского и др.) начинаются «библейскими ключами» об избранности праведников самим Господом или пророками его: *О семь и самъ господь пророче: «Яко мнози приидуть отъ възтокъ и западь и възлягутъ съ Авраамомъ и съ Исакъмъ и Ияковъмъ въ царствии небеснъмъ» и пакы: «Мнози будутъ послѣдънии прѣвши» (Житие Феодосия Печерского, т. 1, с. 304)*;

В дидактико-назидательном дискурсе «библейские ключи» чрезвычайно употребительны. Они могут не только открывать, но и завершать текст, а могут располагаться рамочно – и в начале, и в конце произведения. Следует отметить, что «библейские ключи», даже если они используются для заключительного вывода, т.е. связаны с предшествующим текстом ретроспективно, имплицитно содержат проспекцию: читатель, зная то место в Библии, на которое ссылается автор, размышляет в направлении, заданном цитатой.

«Библейские ключи», специфика которых состоит в их явном проспективном характере, объединяются в тексте с другими цитатами из Библии в некий библейский континуум.

Судя по нашему материалу, примерно с середины XIV в. «библейские ключи» в текстах встречаются очень редко, а в дальнейшем проспективные «библейские ключи» с прогнозирующей функцией свертываются в лаконичные формулы «Во имя отца и сына и святого духа», «Господи, благослови, отче» и под.

Библейские реминисценции – это напоминание о Библии (каком-либо ее сюжете, образе, идее, стиле и пр.). «Под библейскими реминисценциями мы понимаем языковые средства, представляющие собой различные по грамматической структуре сегменты текста, обязательной функцией которых является напоминание о Библии» [Андреева, с. 11].

Реминисценция – это в художественном тексте черты, наводящие на воспоминание о другом произведении. Любое языковое средство способно рождать ассоциации. Однако реминисценцией оно станет только в том случае, если среди прочих его функций функция напоминания о другом литературном произведении окажется ведущей.

Библейские реминисценции – слова и словесные комплексы, которые не являются цитатами, но их значение обусловлено, мотивировано содержанием Библии, ее стилем.

Например, «Моление Даниила Заточника» буквально пронизано реминисценциями из Евангелия, притч Соломона и других библейских текстов, но особенно – из Псалтири: *Въструбимъ, яко во златокванья трубы* (пс. 97); *Въстани слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех* (пс. 32, 56, 104); *Бысть языкъ мои трость книжника скорописца* (пс. 44); *разбих зль, аки древняя младенца о камень* (пс. 136); *Надъяся на господа, яко гора Сионъ не подвижится въ вьки* (пс. 124) и т.п. [Библия].

Много библейских реминисценций в «Житии Феодосия Печерского», «Словах» Серапиона Владимирского, «Повести о взятии Царьграда турками», «Послании на Угру» Вассиана Рыло, «Повести о Петре, царевиче ордынском», «Ответе кирилловских старцев на Послание Иосифа Волоцкого об осуждении еретиков» Вассиана Патрикеева, послесловиях к изданиям Ивана Федорова, письмах Ивана Грозного Андрею Курбскому и особенно в «Казанской истории».

Чаще всего библейские реминисценции оформляются как сравнительные конструкции различного строения (сравнительные обороты, придаточные сравнительные, творительный сравнения), хотя такое выражение вовсе не обязательно: *И въ семь миръ славен бысть – яко кедръ в Ливанъ умножися и яко финиксъ в древеси процвѣте* (Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского, т. 4, с. 208).

Категория обусловленности эксплицировалась в тех библейских реминисценциях, в которых на функцию воспоминания накладывалось проспективно или ретроспективно оформленное детерминирующее значение: *Насажени бо быша в дому божиа матере, тии процвѣтут въ дворъх бога нашего и еще умножатся въ старости маститъ, яко же и сий блаженный* (Киево-Печерский патерик, т. 2, с. 588).

Реминисценции из Священного писания с обуславливающим значением используются в сложных предложениях и структурно-семантических блоках, представляющих собой рассуждение. Иногда это целый период, начинающийся, например, риторическим вопросом. Часто библейские цитаты и библейские реминисценции комбинируются в пределах одного контекста с семантикой обусловленности.

Итак, функции библейских цитат – оценочно-характеризующая, проспективно-прогнозирующая и объяснительно-констатирующая – связаны с экспликацией обусловленности в ее средневековом, двойственном понимании (обусловленность реальная и сверхреальная).

Особой разновидностью библейских цитат в памятниках старшего периода являются так называемые «библейские ключи», располагавшиеся в композиционно отмеченном месте и выполнявшие сакральную экзегетическую функцию, совмещенную с проспективной.

На основную функцию библейских реминисценций – напоминание о Библии – часто накладывалась детерминирующая, поскольку чисто художественной, как в современном произведении, реминисценция быть не могла: художественных, развлекательных задач древнерусская литература перед собой не ставила и не решала. В структурном отношении библейские реминисценции чаще всего строились как сравнительные конструкции.

В целом изложение с использованием библеизмов было рассчитано на «образованнейшего читателя, который легко бы следил за ходом мыслей, потому что все эти сведения, объяснения и цитаты в более полном и систематизированном виде уже присутствовали в его памяти» [Демин, с. 445].

Примечание

¹ Памятники литературы Древней Руси: в 12 т. / сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1978 – 1994. Все примеры в статье приводятся по этому изданию с указанием названия произведения, тома и страницы.

Литература

Акимова Э. Н. Библейские цитаты как способ реализации категории обусловленности в памятниках письменности русского средневековья // Вестн. Поморского ун-та. Гуманитарные и социальные науки. № 1 (11). Архангельск, 2007.

Андреева С.Л. Библейские реминисценции как фактор текстообразования (на материале произведений И.А.Бунина «Тень птицы», «Окаянные дни», «Миссия русской эмиграции»). АКД. М., 1998.

Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе с параллельными местами. Перепечатано с Синодального издания. Printed in Finland by Lansi-Savo Oy / St Michel Print Mikkeli 1991.

Визzell Ф. Цитаты из книг Священного писания в сочинениях Епифания Премудрого // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXVI. Л., 1971.

Демин А. С. О художественности древнерусской литературы / отв. ред. В.П. Гребенюк. М., 1998.

Ковалев Н. С. Древнерусский литературный текст: Проблема исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки. Волгоград, 1997.

ЛЭС – Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Коженикова и П. А. Николаева. М., 1987.

Лихачев Д. С. От Илариона до Аввакума // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 3. М., 1994.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. М., 1998.

Рогачевская Е. Б. Использование «Ветхого Завета» в сочинениях Кирилла Туровского // Герменевтика древнерусской литературы. XI–XVI века. М., 1989.

Седакова О. А. Филологические проблемы славянского средневековья в работах Риккардо Пиккио // Вопросы языкознания. 1992. № 1.

СИС – Словарь иностранных слов: 15-е изд., испр. М., 1988.

Трофимова Н. В. Идеино-эстетические функции ретроспективной исторической аналогии и библейских цитат в «Казанской истории» // Литература Древней Руси: сб. науч. тр. М., 1988.

References

Akimova E. N. Bibleiskie tsitaty kak sposob realizatsii kategorii obuslovlennosti v pamyatnikakh pis'mennosti russkogo srednevekov'ya // Vestn. Pomorskogo universiteta. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. № 1 (11). Arkhangel'sk, 2007.

Andreeva S.L. Bibleiskie reministsentsii kak faktor tekstoobrazovaniya (na materiale proizvedenii I.A.Bunina «Ten' ptitsy», «Okayannye dni», «Missiya russkoi emigratsii»). AKD. M., 1998.

Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta kanonicheskie v russkom perevode s parallel'nymi mestami. Perepechatano s Sinodal'nogo izdaniya. Printed in Finland by Lansi-Savo Oy / St Michel Print Mikkeli 1991.

Vigzell F. Tsitaty iz knig Svyashchennogo pisaniya v sochineniyakh Epifaniya Premudrogo // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. T.XXVI. L., 1971.

Demin A. S. O khudozhestvennosti drevnerusskoi literatury / otvet. red. V. P. Grebenyuk. M., 1998.

Kovalev N. S. Drevnerusskii literaturnyi tekst: Problema issledovaniya smyslovoi struktury i evolyutsii v aspekte kategorii otsenki. Volgograd, 1997.

LES – Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' / pod obshch. red. V.M. Kozhevnikova i P.A. Nikolaeva. M., 1987.

Likhachev D.S. От Илариона до Аввакума // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 3. М., 1994.

Mechkovskaya N. B. Язык и религия. М., 1998.

Rogachevskaya E. B. Ispol'zovanie «Vetkhogo Zaveta» v sochineniyakh Kirilla Turovskogo // Germenevtika drevnerusskoi literatury. XI–XVI veka. M., 1989.

Sedakova O. A. Filologicheskie problemy slavyanskogo srednevekov'ya v rabotakh Rikkardo Pikkio // Voprosy yazykoznaniiya. 1992. № 1.

SIS – Slovar' inostrannykh slov: 15-e izd., ispr. M., 1988.

Trofimova N.V. Ideino-esteticheskie funktsii retrospektivnoi istoricheskoi analogii i bibleiskikh tsitat v «Kazanskoi istorii» // Literatura Drevnei Rusi: sb. nauch. trudov. M., 1988.

Akimova E.N. (Mordova State University of N.P. Ogarev, Saransk, Russian Federation)

Bibleisms with the meaning of conditionality in the Medieval Russian megatext

The article on the material of Russian medieval megatexts, i.e. collectively written texts of XI-XVII centuries it is analyzed the specific characteristics of the era of a way of expressing the category of conditionality – bibleisms. The main types are: biblical quotes, «biblical keys» and biblical reminiscences – consistently described in terms of structure, semantics and functioning. Particular attention is given to the functions of biblical quotations, «the biblical keys» and biblical allusions, the implementation of which is associated with the expression of causal semantics and relationship base – conclusion in the range of values of conditionality, namely: assessment and characteristics of prospectively-predictive and explaining-ascertaining functions. An integrated approach revealed substantial differences between the types of bibleisms; determined the frequency of their use in the different genres of texts XI-XVII centuries; described the actual language features of each type: syntactic organization, localization in the text of the work, time of the prerogative use.

Problem questions related to the peculiarities of quoting the Bible are highlighted: what kind of biblical texts quoted and how precisely they were used. It is noted that bibleisms were used mainly in the translated and original monuments of the «upper tier» (a term by N.I. Tolstoy): canonical, liturgical, and hagiographic preaching. This sacred texts have multiple meanings and their inherent double realism, in which the definite historical, spiritual and symbolic point of view are closely interrelated and inseparable.

Key words: *Russian Middle Ages, megatext, Bible, bibleisms, quotation, reminiscence, category of conditionality, sacred text.*

Akimova Elvira Nikolaevna – Ph.D. of philology, professor assistant, professor of the Russian language dpt. Mordova State University of N.P. Ogarev. Ph.: 8-927-180-99-37; e-mail: akimovaen@mail.ru